

«Роскошный и чувственный, как драгоценный шелк,
эротический детектив!»

Litterär marknad

«Новый эротический детектив Эвы Хансен
доказывает: нет ничего сексуальнее смертельной
опасности. Ничто так не возбуждает,
как мороз по коже. Лучший афродизиак – идти по следу
жестокоего убийцы, задыхаясь от ужаса и азарта!»

Göteborgs amatör avläsningar

ШЕЛК цвет боли

«Вы ни за что не угадаете
главного злодея,
пока не перевернете
последнюю страницу!»

Stockholm Nyheter

«Если в мире прибавится сыщиков-любителей и поклонников
БДСМ – вините в этом Эву Хансен! Дочитав эту книгу,
ловишь себя на желании самой взять в руки плеть или
подставить запястья под наручники...»

Svenska magasin för kvinnor

ЭВА ХАНСЕН

18+

Цвет боли

Эва Хансен

Цвет боли: шелк

«Яуза»

2014

Хансен Э.

Цвет боли: шелк / Э. Хансен — «Яуза», 2014 — (Цвет боли)

«Роскошный и чувственный, как драгоценный шелк, эротический детектив!» *Litterär marknad* «Вы ни за что не угадаете главного злодея, пока не перевернете последнюю страницу!» *Stockholm Nyheter* «Новый эротический детектив Эвы Хансен доказывает: нет ничего сексуальнее смертельной опасности. Ничто так не возбуждает, как мороз по коже. Лучший афродизиак – идти по следу жестокого убийцы, задыхаясь от ужаса и азарта!» *Göteborgs amatör avläsningar* «Если в мире прибавится сыщиков-любителей и поклонников БДСМ – вините в этом Эву Хансен! Дочитав эту книгу, ловишь себя на желании самой взять в руки плеть или подставить запястья под наручники...» *Svenska magasin för kvinnor* Жизнь Линн Линдберг снова в опасности! Подпольный мир сексуальных преступлений и жестокого снафф-видео не прощает тех, кто раскрыл его страшные тайны. Но на этот раз враги действуют умнее, не силой, а клеветой, «подставив» Линн и ее любимого мужа под обвинение в убийстве. Смогут ли возлюбленные доказать свою невиновность – ведь их сексуальная раскованность и БДСМ-опыт пугают «добропорядочных граждан»? Как распутать кровавый клубок интриг, заговоров и пыток, вычислив главного злодея? И где та тонкая грань, за которой сексуальная игра перестает быть игрой и превращается в преступление?..

© Хансен Э., 2014

© Яуза, 2014

Содержание

Вовсе не шелковые новости	6
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Эва Хансен

Цвет боли: шелк

© ООО «Издательство «Яуза», 2014

© ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

Вовсе не шелковые новости

– Единственное, в чем человек точно уверен – что когда-то умрет. Как и когда, неизвестно, но ум-рет! – Последним ударом Кевин Эк словно впечатал сию сакраментальную мысль в клавиатуру компьютера.

У него вошло в привычку начинать рабочий день с просмотра данных обо всех происшествиях в Стокгольме за предыдущие сутки. К этому приучил Даг Вангер, следователь от бога, наставник не только Эка, но и еще многих талантов. Кевин скромно относил себя к таковым, считая, что ему просто не доставалось дел, в которых можно проявить неординарность мышления и даже, что там скрывать, дремлющую пока гениальность.

Интуиция Кевина подсказывала, что он прославится, раскрыв дело, которое попросту проглядели уже проявившие себя таланты, заметит то, что пропустили асы, и распутает какую-нибудь особенно заковыристую головоломку. А интуиции Эк привык доверять...

Но пока попадались все мелочи либо убийства, которые раскрывались достаточно просто, даже оружие применить ни разу не пришлось. Но Кевин не унывал: преступники в Стокгольме не перевелись, найдется и для него маньяк-убийца. Или просто убийца. Или просто... нет, маньяк ему не нужен.

Умом он понимал, что такие мысли ужасны сами по себе, но, скажите на милость, как еще заявить о себе молодому следователю, которому приходилось целыми днями сидеть за компьютером, анализируя данные и что-то выуживая, вместо того чтобы с оружием в руках выслеживать преступников? Где романтика, опасности, преследования, перестрелки?

Он уже приготовился закрыть данные о происшествиях потому, что за сутки никто никого не пристрелил и не ударил битой по голове, но в глаза бросилось сообщение об утопленнике, обнаруженном буквально только что... Даже не само сообщение, а место, остров, возле которого бедолагу выловили – Скарпё.

– Скарпё... Скарпё... Скарпё...

Мозг цеплялся за это название, настойчиво требуя вспомнить что-то, с ним связанное.

Сразу не вспоминалось, но нет ничего проще – Кевин запросил упоминание острова в сводках этого года.

Так и есть! Когда полиция преследовала организатора банды, снимавшей снафф-видео – реальные пытки девушек, повинного в гибели многих, преступник удирал по Риндаваген в сторону парома на Ваксхольм, устроив ДТП, чтобы отрезать путь преследователям. Но, видно, понял, что на пароме его возмут, свернул на узкий деревянный мост, ведущий на Скарпё, там машина пробила деревянное ограждение и рухнула в воду. Водолазы прибыли не сразу, и автомобиль подняли только утром. Обе передние дверцы его были открыты, но в салоне никого. Оставалось только гадать, сумел ли Торстейн выбраться до приезда полиции или все же погиб.

Труп не нашли, но это не подтверждение. Скарпё хоть и не так велик, как Риндо, но затеряться там есть где. И все же у Скарпё одна особенность: единственная связь с внешним миром – тот самый мост, с которого свалилась машина, ну и катера, во множестве стоявшие у маленьких причалов. На мосту всю ночь была толчея, человека в мокрой одежде не могли не заметить, а катера все на месте, местные подтвердили, что ни один не пропал.

Украл катер с соседнего Стегезунда, но едва ли человек, упавший с машиной в воду, мог пройти на другой берег Скарпё и вплавь пересечь пролив между островами, чтобы угнать лодку там. Еще через сутки пропавший катерок обнаружили у второго острова Викингсборга, нашелся и нарушитель, вернее, парочка, которой просто понадобилось вернуться домой поскорее во избежание скандала с ревнивым супругом. Никто из местных чужих не видел, а с этих двух островов, кроме как катером, вообще не выберешься.

Но поскольку труп не найден, Торстейн, которого в случае спасения ждало бы самое суровое наказание, все же был объявлен в розыск.

И вот теперь труп там «где надо». Только он ли?

Кевин распечатал описание и особые приметы, которые вспомнили знакомые с Торстейном. Негусто, но есть полезные.

Позвонил Дагу Вангеру с сообщением об утопленнике возле Скарпё, тот согласился:

– Съезди, посмотри. Знаешь, позови с собой Ларса Юханссона или его помощника Свена.

Они легко опознают, видели этого Торстейна не раз.

Ларс Юханссон ответил, что сейчас в аэропорту, потому на Скарпё поехать не может, но как только освободится, приедет в Управление. А еще сказал, что у Торстейна была особая примета – большая родинка на левой ключице, такую не пропустишь.

Большая черная родинка – это важная примета, не проглядишь, если она есть, так есть, родинки не исчезают даже у трупов, правда, их иногда удаляют у живых. Кевин отправился на Скарпё один, ждать Юханссона нет смысла, мало того, место происшествия могли за время ожидания затоптать.

Ларс Юханссон действительно в это время с женой Линн ехал в Арланда, провожать в Лос-Анджелес ее подругу Бритт Джонсон, американку, учившуюся в Стокгольме дизайну. Бритт считала себя наполовину шведкой, потому что шведские корни имела ее мать. Улетала она вместе со своим другом Магнусом. Просто Бритт решила, что Магнус должен познакомиться с ее родными (или родные с Магнусом?). Это что-то значило: раньше Бритт никого на показ к родственникам не возила.

Удивительно, но Магнус не противился такому американским смотринам. Он бывал в США, хотя в Калифорнию не заглядывал. Согласие предстать пред родственниками подруги немало говорило об отношении Магнуса к Бритт. Подруги не могли нарадоваться: наконец-то Бритт после стольких попыток найти родственную душу обрела ее! Причем где? Совсем рядом.

Раньше Бритт снимала квартиру вместе с Линн этажом ниже, они с Магнусом дружили уже тогда, потом Линн перебралась к своему Ларсу Юханссону, выйдя замуж, а Бритт осталась с Фридой, переехав в квартиру напротив квартиры Магнуса. Многие месяцы они общались, вместе пили пиво и не только, почему же раньше никто не подозревал, что из этих двоих может сложиться пара?

Но в жизни еще не такое бывает.

Конечно, для неугомонной, сверхактивной и крайне непоследовательной Бритт Магнус слишком спокоен и постоянен, сначала это приводило ее в восторг:

– Он настоящий швед!

Подруги, знавшие, что настроение Бритт и ее отношение к кому-либо способно меняться чаще погоды в весенний день, обрадовались, когда она пригласила Магнуса в Лос-Анджелес. Неужели пристала хоть к какому-то берегу? Линн и Фрида скрывали друг от дружки, что Бритт в частных разговорах уже пару раз замечала, что Магнус «не альфа-самец», то есть не умеет быть жестоким, скрутить так, чтобы слезы из глаз брызнули. Линн убеждала подругу, что это не главное, а Фрида, сама скрученная именно таким самцом, осторожно пыталась доказать, что это не так легко, как кажется. Бритт фыркала:

– Тебе хорошо говорить, у тебя Густав бешеный.

– Тебе нужен бешеный?

– Угу.

– Зачем?!

– Это же романтично.

То есть невозмутимость Магнуса начала обременять Бритт? Никакие разумные доводы на нее не действовали. Подруги поняли, что либо Магнус взбесится, либо Бритт начнет искать ему замену.

И вот они улетали в Лос-Анджелес, это означало, что взбесился? Сомнительно, потому что Магнус выглядел спокойным и на взбесившегося не походил.

Провожать их в аэропорт приехали такой толпой, что Бритт даже растерялась:

– Эй, мы же не навсегда улетаем!

Кроме близких друзей прикатили еще приятели Магнуса и приятельницы Бритт по колледжу и барным посиделкам. Галдящая компания обратила на себя повышенное внимание охраны аэропорта, пришлось Ларсу объясняться со стражами порядка. На счастье полицейских, у беспокойных провожающих не нашлось времени ждать отлета и даже посадки, после многочисленных шуточек на тему охмурения заокеанской родни и взрывов хохота, будоражащих добропорядочных пассажиров, абсолютное большинство отбыло на какую-то встречу в Упсале. Остались лишь самые стойкие, те, с кем Бритт и Магнус тесно общались в последние месяцы.

Подруги Линн и Фрида отвели Бритт в сторону и принялись наставлять, как представить Магнуса родным, чтобы тот не чувствовал себя не в своей тарелке. Сам Магнус обсуждал что-то с Ларсом Юханссоном. В результате еще одна девушка – Петра Флинт, тоже приехавшая проводить Бритт, осталась в стороне в одиночестве. Петра дружила с Бритт, пока та училась в колледже, осваивая сложную науку создания креативных коллекций одежды. Совсем недавно эти же друзья помогали Петре подготовить и провести показ моделей, Магнус с приятелями выступили моделями, демонстрируя женские наряды на крепких мускулистых телах, Линн арендовала клуб для показа, а Фрида и Бритт с упоением кроили, что-то пришивали, наряжали парней, раскрашивали им лица и страшно переживали за виновницу переполоха.

Там в клубе они были единым целым, почему же теперь Петра осталась одна?

Просто чумовой показ моделей в клубе был короткой передышкой в не менее чумовом расследовании преступлений банды, изготавливавшей снафф-видео – ролики с реальными пытками и сексуальным насилием над красивыми девушками. Наутро после демонстрации коллекции все вернулось на свое место и расследование было продолжено.

Результаты ошеломили всех, в том числе и Петру Флинт.

Петра всегда считала себя подкидышем, изгоем, от которого отказалась родная мать. Ей вовсе не было плохо в тех семьях, где она жила – сначала у Торстейнов, а потом у Флинтов. Петра всегда знала, что ни Лора Торстейн, ни Аника Флинт ей не родные, и это не могло не сказаться на ее характере. Но то, что открылось, было ужасным!

Во-первых, именно в доме Торстейнов на острове существовал страшный подвал, в котором снималось снафф-видео, а Аника Флинт в своей клинике делала пластические операции бандитам, которым требовалось изменить внешность. Во-вторых, кроме Торстейнов главной подозреваемой в преступлениях числилась двоюродная сестра Ларса Юханссона Жаклин, жившая в его замке на том же острове. Жаклин считали сумасшедшей и старательно скрывали этот факт ото всех, но выяснилось, что у нее порфирия. При такой болезни человек не переносит солнечный свет и вынужден потреблять... свежую кровь, лучше человеческую.

Представить, что в красивом большом старинном доме Ларса, который все называли замком, живет вампириша, оживающая только по ночам и пьющая пусть донорскую, но ведь человеческую кровь, не мог никто, кроме тех, кто хранил эту тайну, а таковых было всего трое – сам Ларс Юханссон, его слуга-наставник Свен и многолетняя сиделка Мона.

Каково же было Петре узнать, что она дочь этой самой вампириши Жаклин и умело скрывавшего все от всех Свена!

Петра, мечтавшая стать знаменитым дизайнером одежды, разыскать родителей и показать им, что когда-то отказались от столь талантливого ребенка, вдруг выяснила, что искать никого не нужно, мать – вампирша, признавать родство с которой девушка никак не желала, отец знал о дочери, все эти годы следил за ней и даже тайно помогал, но скрывал свое отцовство.

Воспитывавшие Петру Флинты (кстати, Лора и Аника сводные сестры) состоятельны, они дали приемной дочери все, что только нужно материально, но у Аники никогда не хватало времени для девочки, она пластический хирург, оперирующий в разных клиниках Европы, а Андреас Флинт занят собственной персоной. Петра всегда была одинока, а уж когда узнала правду о своем происхождении, и вовсе замкнулась.

Вот и сейчас... это получилось невольно, просто у Линн и Бритт давняя дружба, с Фридой Бритт вместе работала и вместе проводила расследование гибели приемной матери Петры Аники Флинт. И с Магнусом они дружны не первый день. А Петра... она снова никому не нужна.

Девушка стояла в стороне, с трудом сдерживаясь, чтобы просто не убежать. Оглядела зал, в котором они ожидали, когда начнется регистрация на рейс, перевела взгляд на Магнуса и Ларса. Какие они разные и похожие одновременно. Оба рослые и по-спортивному крепкие, но Юханссон аристократичен и как магнит притягивал к себе все взгляды вокруг, а Магнус простой парень, из тех, кого не всегда заметишь рядом.

Жаклин двоюродная сестра Ларса, следовательно, самой Петре Ларс получался двоюродным дядей. Дядя молод и очень хорош собой. Петра уже не раз замечала, как сердце начинает биться быстрее обычного, стоит только посмотреть на Юханссона, а уж если они встречались взглядами... Дурацкая манера краснеть, как ученица младших классов! Петра просто тонула в серых глазах дядюшки и, сама себе не признаваясь, больше всего желала утонуть в его объятиях.

Но... Ларс женат по любви на Линн Линдберг, этой, по мнению Петры, серенькой курице. Петра не понимала всеобщего восхищения Линн. Ну, сделала прекрасный репортаж с показа моделей, отменные фотографии, ну и что? Карин Персон, журналистка из глянцевого еженедельника, принадлежащего Ларсу, наверняка сделала бы не хуже, но Линн эту Карин с показа просто выгнала! Почему? Потому что все знали: у Ларса и Карин бурный роман, журналистка рассказала об этом в своем блоге. А то, что Ларс категорически отрицал, так какой же мужчина признается ревливой жене, что наставлял ей рога?

Карин красавица, Линн до нее далеко, у соперницы яркая внешность южанки, она большеглазая брюнетка с прекрасной фигурой. Но Петра и журналистку мысленно не могла представить рядом с Ларсом. Никого не могла. Чувствовала, что необъективна, что Линн хороша собой, Ларс по-настоящему любит жену, друзья относятся к ней с большой приязнью и вполне искренне, что Линн достойна уважения и восхищения. Все понимала, но какая влюбленная женщина способна относиться к сопернице объективно?

Петру все эти годы старательно держали подальше от Юханссонов, чтобы ненароком не выдать тайну ее рождения, а потому, увидев Ларса впервые, она была потрясена до глубины души. Бывает такая влюбленность – вопреки всему, здравому смыслу, родственным связям, безнадежная, а оттого еще более сильная.

Зная, что Ларс всерьез занимался БДСМ и продолжает проводить сеансы, в том числе с Карин, что и вызвало гнев и ревность Линн, Петра решила, что тоже должна попытаться. Она легко согласилась на предложение бывшего любовника Аники Адлера вступить в закрытый, практически тайный клуб, чтобы на себе испытать прелести садомазо.

Испытала, едва не погибла, а спина и то на чем сидят до сих пор в шрамах. Для себя Петра поняла, что способна вынести любую боль от того, кто ей дорог. Несмотря на перене-

сенные мучения, она была благодарна Адлеру за раскрепощение, за то, что помог почувствовать себя уверенно, понять, что в ней тоже есть та самая женская сила, которая как магнитом притягивает мужчин. Но Адлер погиб, и теперь Петра втайне мечтала вручить плеть Ларсу Юханссону, чтобы прошелся по ее спине.

А Линн?.. Ну при чем здесь Линн? Если Карин сумела завладеть вниманием Ларса, то почему не сможет и она, Петра? Конечно, внешность у Петры не яркая, но не хуже Линн Линдберг. А если кто-то считает иначе, тем хуже для этого кого-то.

Не менее неприятным было известие, что, устав мучиться и прятаться от дневного света, Жаклин убила себя, выйдя в яркий солнечный день из дома раздетой, но перед тем написала завещание, оставив абсолютно большую часть своего состояния Линн. Соперница становилась владелицей большей части замка и не меньшего счета в банке, которые по праву принадлежали самой Петре.

Жаклин не знала, что ее дочь жива, но, по мнению Петры, это не оправдывало вампиришу. Снова несправедливость: Линн получила кроме Ларса Юханссона еще и состояние матери Петры! Почему одним все, а другим только обеды?

Вот и сейчас они там вместе, а она одна, Ларс улыбается своей серой курице и целует ее в висок, обняв за талию, Магнус с Бритт, Фриду дома ждет Густав, а Петра в стороне. Всегда в стороне, всегда на вторых или даже третьих ролях, никогда никому не нужна.

В соседнем ряду кресел для ожидания расположилось многочисленное шумное семейство из троих взрослых и пятерых детей. В семье было явное разделение, но не на поколения, а, видно, по интересам. Самый старший мальчик, подросток лет шестнадцати, держался подчеркнуто отдельно, демонстрируя презрение к занятиям остальных. Две девочки и еще мальчик во что-то играли вместе с родителями, бабушка читала журнал, а самый младший лет пяти отчаянно пытался привлечь к себе внимание членов семьи.

Он был лишь чуть моложе одной из девочек, не слишком отличался и от второго мальчишки, дети, видно, погодки, но бедолагу не желали принимать в свое сообщество.

– Ма-ам... – Он потянул мать за рукав футболки, та отмахнулась, видно, посоветовав поиграть с какой-то игрушкой.

Тогда ребенок влез в игру, которой занимались родственники, его отпихнула старшая сестра, крикнув, чтобы не мешал. Мальчишка схватил ту самую игрушку, оказавшуюся самолетом, и принялся «летать», ревя, как мотор, и пикируя на сестер. Возмутились все.

Петра отвернулась, наблюдать за семьей откровенно было не слишком красиво, к тому же ее раздражало то, как семейство отпихивало одного из своих членов. Глядя на самолеты, девушка вдруг подумала, что и ее так же. Нет, не отпихивают, просто не принимают. Помогли организовать показ ее моделей, даже поучаствовали в показе, но потом выяснилось, что она дочь вампириши, и все отвернулись?

Петра понимала, что это не так, что никто не отворачивался, просто она не нужна собравшимся провожать Бритт и Магнуса, у них свои отношения, свои дела, своя дружба, в которую Петра не вписывалась. Она всегда чувствовала свою ущербность, может, потому и меняла партнеров. Бритт просто искала своего единственного и, кажется, нашла. А Петре все равно, на какое-то время ее разбудил Адлер, ввергнув в жестокий мир садомазо, у Петры оказался подходящий болевой порог и склонность к мазохизму. Рядом с Адлером и там в клубе она не чувствовала себя одинокой и никому не нужной, но после гибели Адлера идти в клуб в одиночку девушка не рискнула и снова осталась одна.

С теми, кто сейчас секретничал в стороне, Петру связывала только Бритт. Но Бритт улетит, к тому же у Бритт есть Магнус, и Петра снова останется одна. Матери нет, ни настоящей, ни приемной, отчим Флинт сам по себе, Адлер погиб, из колледжа она ушла, друзей нет... Одна, никому не нужная... Если завтра умрет или пропадет, никто и не заметит.

Мелькнула мысль сесть в машину и уехать куда-нибудь на север Норвегии или Финляндии, арендовать маленький домик в лесу и прожить там остаток лета без телефона и связи с внешним миром. Но наверняка когда осенью вернется, тот же Андреас Флинт, выйдя утром на кухню, скажет:

– Привет, Петра. Опять не ночевала дома? Или ночевала? Я не слышал, когда ты пришла.

И все, никаких вопросов, почему не было пару месяцев. Андреас и не заметит, никто не заметит, и те, кто сейчас беседует с Бритт и Магнусом, тоже.

Внутри кроме тоски и желания разреваться или убежать росла уже не просто досада на несправедливую судьбу, а настоящая злость. Злость прежде всего на везучую Линн, окруженную друзьями, любимую мужем и родными.

Словно чтобы добавить ей страданий, мальчишка начал пикировать своим самолетом уже на нее. Хотелось отмахнуться от этого друга по несчастью, но Петра молча смотрела на летное поле. Мальчишка прекратил завывать, встал рядом, тоже глядя на самолеты, постоял и вдруг обратился к ней:

– Тебя тоже к себе не зовут? Ты тоже никому не нужна, да?

Худшего он сказать не мог, с трудом сдержавшись, чтобы не дать мальчишке подзатыльник, Петра закусила губу, пряча злые слезы, и отвернулась к стеклу. Мальчишка хмыкнул, снова взревел, изображая мотор, и принялся носиться, то и дело приближаясь к уху кого-то из своих обидчиков. Матери все же пришлось отвлечься и поговорить с нарушителем всеобщего спокойствия.

О Петре вспомнили, позвали к себе, как раз пришло время прощаться, с трудом сдерживаясь, чтобы не натворить каких-нибудь глупостей, она натянуто улыбалась, желала счастливого пути, целовала Бритт в щеку, снова улыбалась, наблюдая, как уходят они с Магнусом, и краем глаза отмечая, что Ларс снова обнимает свою жену.

Домой приехала мрачнее грозовой тучи. Они возвращались из Арланда каждый в своей машине: Ларс и Линн в ее красной «Феррари», Фрида в новеньком «Вольво», подаренном ей Густавом, а Петра в своем стареньком «Опеле». И хотя она могла бы тоже купить «Феррари», во всяком случае, в кредит, сам факт, что Линн уже это сделала, был оскорбителен.

Интуиция – великая вещь, это Кевин знал точно, несмотря на то что его самого эта великая вещь не раз подводила. Вот и теперь внутреннее чутье упорно твердило, что утопленником из Скарпё следует заняться особенно тщательно. И даже то, что труп был найден у другого берега, пусть и недалеко от моста, его не смущало.

Труп действительно находился в той стороне, где пролив между Скарпё и соседним небольшим островом Стегезунд, собственно, там двойной остров, со Стегезундом перешейком связан Викингсборг, но это неважно. Течение в проливчике несильное, как и между Скарпё и Риндо, с моста между которыми свалилась машина. Кевин и сам понимал, что едва ли труп могло вот так странно перетащить вокруг юго-западной оконечности Скарпё. Его сомнения подтвердил местный полицейский, все еще изучавший окрестности. Рыжий, веснушчатый парень, назвавшийся Петером Хорном, выглядел почти смущенным, словно проглядел убийство и никак не мог понять, как же так получилось. Он попросту не знал, куда девать свои длинные руки, а потому время от времени взмахивал ими, чтобы что-то показать, и поспешно прятал, сцепляя средними пальцами за спиной. Рядом с таким Кевин чувствовал себя морским волком рядом с юнгой. Это придавало уверенности.

– Да, тот свалился вон там... а этот всплыл здесь... – Петер взмахнул руками и поспешно спрятал их, продолжая уже одним кивком головы. – Все говорит о том, что он здесь и утонул.

– Кто он?

– Неизвестно, труп пока не разложился, и рыбы не добрались, узнать можно, но никто из местных такого не помнит. Хотя мы еще не всех опросили, только пару человек, остальных нет дома.

Кевин не стал объяснять начинающему стражу порядка, что пара человек не может считаться «всеми местными» на острове, где десятки домов. Лишь снисходительно хмыкнул: что возьмешь с этого рыжего и долгорукого, учить его и учить... Конечно, в тот момент Кевин постарался не вспоминать, как пару месяцев назад Вангер просто рычал на него самого за недотепство и пропущенные важные улики. Втайне Эк был рад, что ему попался этот Петер: при опытном полицейском он снова мог оказаться в учениках, а сейчас вроде наставника.

Сам труп уже успели упаковать и забрать на катер, местная полиция рада отдать дело центру, утопленников не любит никто, разгребать такие дела тяжело, они часто зависают.

Кевин еще раз внимательно оглядел эту часть острова. Небольшие дома, Скарпё не из богатых островов, скорее здесь отдыхают или живут люди среднего достатка, а может, просто не желают выставлять свое состояние на всеобщее обозрение. Это нормально, нелепо выстраивать дворцы, если пользуешься парой комнат, или засеивать гектары газонной травой, изводя из пустого тщеславия сосновые леса.

Эку без возражений отдали и записи бесед с местными жителями, хотя таковых проведено немного. Забрав фотографии с места страшной находки, дополнительно пощелкав сам и договорившись о том, что заедет еще завтра, Кевин отправился в Управление. Патологоанатом Агнесс обещала заняться трупом вне очереди, если среди трупов можно таковую установить. Скорее, у нее просто имелось время: Агнесс не из тех, кто откладывает одно дело ради другого, но ее согласие поторопиться грело душу жаждущему самостоятельности Кевину.

У Агнесс между маской и шапочкой видны только глаза, да и те под большими прозрачными очками. Она предпочитала надевать полный комплект: халат, перчатки, шапочку и маску. Логично, потому что работать приходилось с тем, что пахло не слишком симпатично, одежда и тем более волосы не должны впитать трупный запах. Понять, впитали или нет, самой невозможно: нос постепенно привыкает и больше не воспринимает эту вонь как ужасную и даже чужую, иногда патологоанатом уходит с работы, «благодаря», как мертвец, но не ощущает этого.

Привычка без конца мыть руки и дважды в день принимать душ, конечно, помогает, но и дополнительные меры тоже не помешают. Агнесс смешили кадры в фильмах, на которых следователи и даже сами патологоанатомы при работе с трупами то и дело забывали, что они в перчатках, касались грязными руками одежды, волос, даже лица. А следователи и вовсе без защитной одежды, но патологоанатомы при этом в масках. Будь это так, к чему вообще надевать перчатки и халаты одним, если другие никак не защищены.

Выловленный подле Скарпё труп на вскрытие привезли к ним, это Кевин Эк постарался. Он так внушал Агнесс, что утопленник непременно связан со старым делом о снафф-видео, что она прониклась, тем более и Даг Вангер просил уделить утопленнику особое внимание. Просто место и время утопления совпадали с пропажей преступника, которого так и не сумели найти после падения его машины с моста.

Едва успела заняться делом, как к ней сунул нос Кевин Эк:

– Ну?

– И тебе здравствуй. Кевин, одевайся и заходи.

Тот смутился, поспешно поздоровался в ответ, вошел, по пути надевая халат. Ему необязательны перчатки, но парень все равно старательно их натягивал. «Первое самостоятельное дело? – мысленно усмехнулась Агнесс. – Ничего, пройдет время, и он привыкнет, ко всему привыкнет: к трупам, крови, рваным ранам, людской жестокости». Ей хотелось помочь парню, но чем? Утопленник как утопленник.

Агнесс начала диктовать то, что видела, делая знак Кевину, чтобы фотографировал, на что укажет.

– Он захлебнулся, но при падении был уже без сознания.

– Ух ты! А почему?

– Смотри, – Агнесс показала на рану на затылке, – его ударили чем-то тяжелым и тупым, а потом столкнули в воду.

– Значит, убит...

– Ты расстроен?

– Нет, что вы! Просто я подумал, что этот, кого не смогли найти водолазы. А может, их в машине было двое?! Один ударил другого, и потому машина упала в воду. Осталось понять, Торстейн ли это...

– Не спеши. У него есть какие-нибудь особые приметы?

Кевин вспомнил о большой родинке на левой ключице. Как же он мог забыть? Следовательно называется.

– Родинка на левой ключице ближе к шее.

Агнесс покачала головой:

– Нет, ничего похожего и никаких следов от удаления родинки. Если удалил, то давно.

Пока Агнесс вскрывала труп и исследовала внутренности, Кевин пытался сообразить. Нет родинки, но Торстейн действительно мог удалить ее, зная, что это опасная примета, тем более был родственником владелицы клиники пластической хирургии. Серьезных операций там не делали, но родинки-то удаляли.

– Кевин, вот это может тебе помочь, – почти сразу позвала парня патологоанатом. – Смотри, у него кардиостимулятор, причем поставлен не так давно. По этой коробочке можно узнать имя.

У Кевина зазвонил телефон...

– Ты поговори пока. Я посмотрю еще какие-то зацепки, – кивнула Агнесс, включая диктофон, чтобы наговорить на него свои наблюдения. Обычно следователи этот речитатив о состоянии внутренних органов не любили. Кевин не исключение, вот если бы она сказала, что у убитого два сердца или вообще ни одного, это интересно, а насколько увеличена селезенка или есть ли камни в желчном пузыре... Нет, увольте, это интересно только для патологоанатомов.

Звонил Даг Вангер:

– Кевин, Юханссон приехал на опознание. Ты сейчас где?

– Я у Агнесс, но особая примета, о которой сообщал Юханссон, отсутствует.

– Какая?

– Большой родинки нет, и шрама после ее удаления, если таковое произошло, тоже.

– Наличие родинки может быть доказательством, ее отсутствие сейчас нет. Пусть Юханссон посмотрит.

– Там еще кардиостимулятор.

– Что? – удивился Даг.

– У утопленника стоял кардиостимулятор, это не зубные протезы, которые могли сделать где угодно, Агнесс по стимулятору узнает, кто утонул. Да, Даг, его убили, прежде чем столкнуть в воду.

– Сейчас приду и приведу Юханссона. Жди.

К тому времени когда в резекторской появились Даг и Ларс, Агнесс успела многое.

Прежде всего труп показали Ларсу, у того сомнений не было:

– Это не Торстейн. Торстейн моложе и крепче.

– А этот незнаком?

– Нет, никогда раньше не видел. Торстейн мог выжить?

Даг признался честно:

– Не знаю, Ларс, труп возле моста так и не нашли, а обследовать все побережье слишком проблематично. Разве случайно теперь выплывет.

– Не говорите Линн ни о Торстейне, ни об этом. – Ларс кивнул на труп, над которым все колдовала Агнесс.

– Ларс, ничего нельзя утверждать твердо, но водолазы ничего не нашли на дне. Может, ты бы увез Линн с дочкой подальше?

– Я подумаю. Я больше вам не нужен?

Глядя вслед Юханссону, Вангер покачал головой: кажется, у Ларса есть все: любимые жена и маленькая дочка, здоровье, деньги... но вот все время какие-то сумасшедшие сложности.

Еще до Ларса и до самого вскрытия в Управлении побывал Мартин Юханссон, двоюродный брат Ларса и совладелец замка на острове. Он тоже знал Торстейна и мог опознать или не опознать. Его в порыве энтузиазма вызвал сам Кевин, он помнил, что Даг терпеть не может этого трансвестита, потому что в прошлом году арестовывал и даже отправлял в тюрьму его как убийцу. Но опытный адвокат Мартина сумел убедить всех в невиновности и едва ли не жертвенности своего клиента.

Чтобы тот не столкнулся с Вангером, Эк встретил и провел Мартина Юханссона сам, сказал, что у Дага совещание с высшим руководством. А потом постарался поскорее выставить.

От Кевина не укрылось, насколько был напряжен Мартин, а еще, что он испугался, увидев утопленника, побледнел, глаза забежали... Ну и слизняк! Рядом с таким почувствовать себя героем даже легче, чем с Петером, но Кевину хотелось одного – выставить Мартина поскорее. Сказал, что не Торстейн, и ладно.

– Агнесс, Дагу не говори, что я его приводил. Он Мартина терпеть не может.

– Я знаю. Зря ты это сделал, к чему торопиться?

Отчим был дома, услышав, как Петра возится с замком, открыл дверь сам. В последние недели после гибели Аники они практически не разговаривали, словно боясь задеть какую-то опасную тему. Не задеть сложно, потому что в тесный клубок сплелось многое. Тот самый Адлер, который порол Петру плетью и распинал в своей квартире, был любовником Аники, хотя с ней БДСМ никогда не занимался. Или занимался, но они просто не подозревали? У Адлера довольно долго жила Жаклин, правда, всегда густо замазанная какой-то зеленой дрянью, чтобы выравнивалась после ожогов кожа лица. Она вообще старалась от всех прятаться, крайне редко покидая свое убежище в квартире Адлера. Адлер погиб, защищая Жаклин от Торстейна, практически заслонил ее собой.

Хотелось ли Флинту поговорить об этом, ведь Петра оказалась свидетельницей этого кошмара, но вмешаться не могла – висела распятой и с кляпом во рту? Петре казалось, что не очень хотелось, она не заводила разговор об этом, Флинт тоже.

Но на сей раз девушка была слишком подавлена, это бросалось в глаза. Андреас все же не был черствым человеком, едва закрыв дверь, вдруг шагнул к Петре, прижал к себе и гладил ее по голове, успокаивая, как маленькую девочку, пока та не выплакалась. Бывают минуты, когда выплакаться полезнее, чем даже выговориться.

Потом они все же поговорили, чего не делали никогда в жизни. Много лет Андреас Флинт поддерживал падчерицу во всем, чем бы та ни занималась, не замечал ершистости Петры, ее многочисленных ошибок, старался, как мог, сделать ее жизнь терпимой, держась при этом отстраненно и лишь финансируя ее запросы. А вот просто беседовал впервые.

– Ты провожала друзей в Америку?

– Да, Бритт и Магнус улетели.

– Но почему такие горькие слезы, они же не надолго? Или ты просто понимаешь, что у них теперь семья и ты в стороне?

– Я никому не нужна вообще. Бритт подруга, но у нее есть Магнус. Ларс даже родственник, но я ему и вовсе не нужна. Аники больше нет, а у тебя свои дела...

Андреас мог бы возразить, раньше было не лучше, с Бритт очень тесно Петра не дружила никогда, Аника всегда больше времени проводила в Европе, чем дома в Стокгольме, у него были свои дела. А Юханссон и вовсе не подозревал о существовании Петры.

Втайне Флинт немного гордился, что Петра и сейчас не встречается с настоящим отцом, даже зная, кто он. А вот у него на плече выплакалась. Значит, Свен Петре не дороже?

И вдруг Андреаса пронзила неожиданная мысль. Он на мгновение замер, удивившись, почему не подумал об этом раньше.

– Петра, а ты не хочешь предъявить свои права на наследство Жаклин? Я нашел в документах Аники твои бумаги, тебя действительно родила Жаклин Юханссон.

Петра даже подскочила:

– Нет!

– Ладно, ладно, – успокоил ее Андреас, – не хочешь, даже вспоминать об этом не будем. Я рад, девочка, что ты носишь мою фамилию, просто ты могла бы стать совладелицей замка и еще много чего. Конечно, друзей это не прибавит, но не замечать совладелицу тот же Юханссон не сможет.

Почему сказал это, Флинт не знал и сам. Произнес интуитивно и мгновенный интерес Петры при словах о Юханссоне заметил. Казалось бы, какая разница Флинту, замечает ли его падчерицу женатый Ларс Юханссон, Андреас не стал продолжать этот разговор, но мысли Петры уже получили новое направление.

Они еще поговорили на самые разные темы, распили бутылку хорошего вина и отправились по своим спальням.

Несмотря на выпитое, спать Петре не хотелось: не давали странные мысли. Ларс родственник и совладелец... Как ни старалась не думать об этом, не получалось. Петра не бывала ни в замке, ни вообще на острове, только из рассказов Бритт знала, что там большой, очень большой каменный дом Юханссонов, который из-за размеров и массивной кладки все зовут замком. Он отремонтирован внутри заново, оборудован всеми удобствами городской квартиры, а потому удобен.

Конечно, вовсе не размеры дома или его начинка волновали Петру. Она старалась не думать о том, что может стать совладелицей этого дома вместе с Ларсом. Сам Юханссон теперь редко бывал на острове, Линн и того меньше. После того как дважды едва не погибла сначала в подвале дома Торстейнов, а потом, когда их с Бритт пытались спалить вместе с домом и Ларс чудом спас, Линн практически не жила там.

Вопрос совладения замком вместе с Ларсом взволновал Петру сильнее, чем ожидал Флинт, подбрасывая такую идею. К утру она твердо решила заявить о своих правах на наследство Жаклин. Все равно самой Жаклин уже нет в живых, она не пьет ничью кровь, почему бы не воспользоваться такой возможностью вмиг стать миллионершей и родственницей Юханссонов не только на словах, но и на деле?

Петра сама себе не признавалась, что вовсе не жажда денег и даже не имя Юханссонов движет ею, а зависть к Линн и желание зачем-то отбить у нее Ларса. Ларс красив и богат, но суть не в том, а в том, что он влюблен в серую курицу, сколько бы ни твердили, что Линн тоже хороша собой и талантлива. Петра попросту завидовала Линн, особенно из-за Ларса, но ни за что не призналась бы в этом.

Женская зависть страшна и разрушительна. Часто она не поддается разумным увещаниям или обузданию и способна подвигнуть на нелепые и злые поступки, вредящие самой завистнице не меньше объекта зависти.

Линн не подозревала о том, что ей завидуют. Нет, она догадывалась, что такое может быть, ведь Ларс по-прежнему самый красивый мужчина в мире и в его стальных глазах тонула не она одна, стоило Юханссону обнять жену, как та становилась объектом если не ненависти, то осуждения большей части присутствующих женщин, но Линн уже привыкла.

После нелепой истории с Карин Персон, журналисткой из глянцевого издания, принадлежащего Ларсу (ему много что принадлежало, и не только в Стокгольме), которая выложила в блоге рассказ об их с Ларсом якобы романе, а потом долго просила прощения, потому что весь рассказ был ложью, Линн дала себе слово не замечать взглядов ни на Ларса, ни в свою сторону. Но одно дело обещать себе, совсем иное выполнять обещанное. Конечно, она заметила то, как краснеет Петра, стоит ей встретиться с Ларсом взглядом. Бедная девочка влюблена в своего красавца дядю. Это плохо, очень плохо, Линн предпочитала, чтобы те, кто окружает их с Ларсом, относились к ее мужу хорошо, но не страстно, любили, но не были влюблены. Может, перегорит?

Но Линн никак не думала, что дело дошло уже до откровенной зависти и даже намерения попытаться разрушить их с Ларсом брак. Если честно, то о таком намерении, невольно зревшем внутри, не думала и сама Петра. Пока она хотела только внимания Ларса, хотела быть с ним рядом и затмить его невзрачную с точки зрения Петры жену.

Ларс тоже замечал взгляды Петры, но он старательно не давал Линн повода для ревности – хватит уже неприятностей из-за интереса к нему других женщин. Главный редактор его издания и непосредственный начальник Карин Персон Алан верно посоветовал:

– Ларс, женщина может догадываться о ветвистых рогах, даже чувствовать их на своей голове, но только не знать о них! Еще хуже, когда кто-то подносит зеркало, чтобы убедилась в наличии этих рогов.

Тогда Ларс посмеялся, потому что никаких рогов своей любимой жене наставлять не собирался, однако запомнил и второй совет приятеля: если хочешь жить спокойно, не давай повода жене смотреться в это зеркало. Самая догадливая женщина предпочтет закрывать глаза, чтобы не замечать рогов, но только до тех пор, пока ей на них не намекнули.

Ларс для себя запомнил главное: не давать повода.

Но сейчас его меньше всего волновал интерес, проявленный Петрой, и куда больше желание побыть с Линн наедине, во всяком случае, без присутствия тех, с кем они жили в квартире на Библиотексгатан – бабушки Линн замечательной Осе Линдберг и наставника самого Ларса (язык не поворачивался называть его слугой) Свена. Бабушка фактически заменила родителей Линн, а Свен Ларсу. Теперь у Осе и Свена роман, страшно старомодный, с витиеватыми ухаживаниями и долгим ожиданием объяснения в лучших чувствах (и это несмотря на то, что они уже несколько месяцев живут не просто под одной крышей, но и в одной комнате!). Они и женатыми до конца жизни будут в романтических отношениях. Иногда Линн так завидовала бабушке, умевшей отсекал ненужное и получать удовольствие от жизни в любых ее проявлениях.

То, что Свен оказался отцом Петры и бывшим любовником Жаклин, Осе волновало мало. События двадцатилетней давности не имели права давить на нынешние отношения, тем более Петра взрослая девушка, а Жаклин больше нет на свете. Осе выслушала Свена, все поняла и простила ему множество тайн, не всегда праведных.

Они все жили дружно, бабушка и Свен помогали воспитывать малышку, Линн частенько оставляла Мари с обожавшей девочку пожилой парой. Существовала только одна опасность – что Мари разбалуют. Были недели, когда Линн практически прятала Мари от Ларса и пряталась сама, тогда ей помогали друзья по университету Дорис и Лукас, но у них своя жизнь и свои

заботы, а Осе и Свен страшно обижались из-за недоверия, они искренне любили маленькую дочь Линн и Ларса, считая ее своей внучкой.

Но в одной квартире со старшими жить удобно только до тех пор, пока тебя не тянет сорвать с жены одежду и потащить под душ, чтобы заняться сексом отнюдь не в миссионерской позе и не под одеялом. Для таких случаев у них имелась еще одна квартира на Эстермальмсгатан в «Квартале жаворонков». Три квартиры в этих дорогих домах дед когда-то купил внукам – Жаклин, Ларсу и Мартину. Квартира Жаклин стояла закрытой в одном доме, а у Ларса с Мартином они были одна над другой во втором.

В квартире Ларса и существовала их «комната боли», напичканная прибабасами из секс-шопа, предназначенными для занятий БДСМ. Если «припекало» желание, Ларс и Линн просто отправлялись на Эстермальмсгатан.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.